

Обзоры, дискуссии

УДК 1(091)

DOI: 10.15372/PS20240409

EDN SHXJBG

К.А. Родин

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН И ГРЭМ ПРИСТ НА ПРЕДЕЛАХ МЫСЛИ*

В статье сформулированы предварительные критические замечания к предложенному Г. Пристом в контексте пределов выразимости на пределах мысли прочтению «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна и пониманию проблемы следования правилу. Во вводном и первом разделах кратко эксплицируется позиция Приста и приводятся предложенные Пристом и наши собственные примеры пределов выразимости. Во втором разделе сформулирована «доктрина» невыразимого в «Трактате» в контексте решительного и традиционного прочтения этого труда Витгенштейна. В последнем разделе высказаны критические замечания относительно релевантности прочтения Пристом Трактата и его понимания проблемы следования правилу.

Ключевые слова: Витгенштейн, Прист, Трактат, пределы выразимости, противоречие, концепция, проблема следования правилу

К.А. Rodin

LUDWIG WITTGENSTEIN AND GRAHAM PRIEST AT THE LIMITS OF THOUGHT

The article formulates preliminary critical remarks on the reading of L. Wittgenstein's *Tractatus Logico-Philosophicus* and understanding of the rule-following problem proposed by G. Priest in the context of the limits of expressibility at the limits of thought. In the introductory and first sections, we briefly explicate Priest's position and provide examples of the limits of expressibility both proposed by Priest and our own. The second section

* Статья публикуется в авторской редакции.

formulates the “doctrine” of the inexpressible in the *Tractatus* in the context of a determined and traditional reading of this Wittgenstein’s work. In the last section, we offer criticism of the relevance of Priest’s reading of the *Tractatus* and his understanding of the rule-following problem.

Keywords: Wittgenstein; Priest; *Tractatus Logico-Philosophicus*; limits of expressibility; contradiction; concept; rule-following problem

Недавно ставшая доступной русскоязычному читателю книга профессора Приста «За пределами мысли» демонстрирует вечное возвращение на протяжении тысячелетней истории философии (книга не ограничивается западной традицией) диалектичных ограничений мысли (одновременно полагаемых и преодолеваемых теоретической философской концептуализацией) на пределах концептуального выражения. Некоторые границы мысли не могут пересекаться. Однако неизменно пересекаются, и пересекаются именно в порядке установления невозможности собственного пересечения. Согласно Присту, пределы мысли отражают подлинные истинные противоречия. Пределы условно подразделяются на пределы выразимости, пределы итерации (математическая бесконечность), пределы познания и пределы концептуализации. В настоящей статье разбираются только пределы выразимости.

Первый пример Приста: Сократ против Кратила (см. подробнее: [6, с. 40–46]). Пусть вещи и понятия подвержены перманентному изменению. Никто не будет способен выразить никакую мысль. Например: нечто есть белое. Субъект (конкретная вещь) и предикат (понятие белого) постоянно изменяются и поэтому не-самотождественны: субъект равно не-субъект и быть-белым равно не-быть-белым. Назовем такую не-самотождественность гераклитовской теорией. Кратил высказывает гераклитовскую теорию. Сократ парирует: ничто не может быть выражено, и, следовательно, гераклитовская теория равно не может быть выражена. Исторический анекдот про уход Кратила в молчание не разрешает проблемы: уход может быть мотивирован только выраженной или как-то помысленной гераклитовской теорией. Однако выражение или понимание гераклитовской теории невозможно в соответствии с гераклитовской теорией. Прист предполагает следующий (в каких-то ситуациях неизбежный) ход: необходимо признать невыразимость гераклитовской теории следствием как-то выраженной гераклитовской теории. На основании истинности гераклитовской теории необходимо признать невыразимость гераклитовской теории. Но од-

современно на основании истинной невыразимости теории необходимо признать теорию как-то выраженной. Сократ не демонстрирует полного понимания диалектической природы пределов мышления из-за несовершенства последнего хода. Сократ останавливается на самопротиворечивости гераклитовской теории (но можно признать истинный характер самопротиворечивости теории: ход был бы альтернативой кратиловскому молчанию).

Однако лучшим примером и лучшим введением в пределы выразимости и пределы мысли мог бы послужить не упомянутый Пристом диалог Платона «Софист». Путем отбрасывания в начале диалога анекдотических определений софиста чужеземец (главное действующее лицо) постепенно приходит к признанию за фигурой софиста создателя призрачных подобий – провозвестника не-существующего. Мы сразу сталкиваемся с парменидовской теорией: «ни увидеть... не-есть невозможно, ни... сказать». При высказывании суждений про небытие используются категории (небытие по категории числа мыслится-высказывается как единственное). Категории применяются только к существующему, следовательно, мы оправдали парменидовскую теорию. Но невыразимость небытия установлена именно благодаря как-то выраженному пониманию небытия. Из нашего парменидовского понимания небытия следует невозможность сказать (выразить) что-либо про небытие. Но одновременно: истину про невыразимость небытия (парменидовскую теорию) мы узнали благодаря выражению. Платон признает открыто или по крайней мере осознает диалектическую природу предельного вопроса про небытие: допускает одновременно выразимость и невыразимость не-бытия. Теорию Кратила Платон отбрасывает (не признает истинности противоречивого характера теории). Однако «отца нашего Парменида» и, следовательно, невыразимость не-бытия Платон принимает (см. подробнее собственно диалог [5]). Платон будто различает истинную (на пределах мысли) и ложную самопротиворечивость.

Теперь мы перейдем к предмету настоящей статьи: к пределам выразимости в «*Tractatus Logico-Philosophicus*» («Трактат») Витгенштейна [1]. Но сперва нам потребуется вслед за Пристом пройти через Фреге.

I. В собственной философии языка Фреге ввел различие между понятиями и предметами [7]. Понятие в функциональном смысле

отображает множество предметов на двухэлементное множество истинностных значений и имеет референтом концепцию. Предмет высказывания имеет референтом реальный объект. Утвердительное предложение имеет референтом истинностное значение. Понятия и предметы (концепции и объекты) – совершенно разные вещи и, в отличие от лингвистического условного разделения на субъект и предикат, призваны вскрыть внутреннюю логическую структуру предложения.

Моментально возникает неприятное затруднение: только объекты могут быть поименованы и выражены обычными существительными. Напротив, никакой концепции невозможно присвоить никакое имя. Поэтому, согласно Фреге, выражение «концепция (понятие) ЛОШАДЬ» не выражает собственно концепцию (понятие). Множество недвусмысленных и обычно принимаемых утверждений оказываются буквально ложными. Пусть некто хочет сказать про английскую чистокровную скаковую лошадь графа Вронского Фру-Фру: «Фру-Фру подпадает под концепцию лошади». В таком высказывании «концепция лошади» не обозначает концепцию и одновременно «подпадать под...» есть отношение только между объектом и концепцией. Следовательно, некто высказал очевидно ложное утверждение. В порядке обобщения: никогда невозможно высказать «нечто есть концепция» или «нечто подпадает под концепцию». Мы ничего не можем утверждать про концепции. Однако необходимо предполагать концепции ненасыщенными (потому что ненасыщенность – существенная часть определения собственно концепции). Ради выражения теории различия между объектами и концепциями мы обязаны что-то знать и уметь выразить относительно концепции концепции. Аналогично небытию «Софиста» Фреге должен уметь говорить про концепции ради выражения собственной теории и понятия концепции. Но одновременно благодаря выраженной теории и выраженному понятию получается невозможным что-либо выразить про концепции. Мы сталкиваемся с пределом выразимости на пределах мысли. Изнутри различия между предметами и концепциями мы выразили понятием концепции. Но благодаря выраженному понятию концепции мы получили возможность высказывать истинные утверждения про невозможность выразить (невозможность приписать какие-либо предикаты) какую-либо концепцию (см.: [6, с. 276–281]). Иначе, мы выразили понятие концепции, и необходимо смириться с невыразимостью, собственно, никакой

концепции (и невозможностью что-то выразить про понятие концепции). Альтернативный вариант без угрозы ухода в полное кратилловское молчание – отказаться от производства философии языка.

Прист настаивает на аналогичной оценке пределов выражимости в «Трактате» Витгенштейна. Посмотрим. Нам нужно ввести ключевые понятия. Витгенштейн эпохи «Трактата» определяет смысл пропозиции как отображенное пропозицией возможное положение вещей. Пропозиция отображает возможное положение вещей и поэтому имеет смысл. Истинностное значение пропозиции зависит только от фактического выпадения или не-выпадения такого-то (отображенного пропозицией) возможного положения вещей. Пропозиции логики и математики не отображают никакого возможного положения вещей и поэтому лишены смысла (*sinloss*) (но не бессмысленны (*unsinnig*)). Напротив, полностью бессмысленны (*unsinnig*) предложения философии (предложения философии и метафизики буквально сведены к абракадабре). Поэтому в предпоследней констатации «Трактата» Витгенштейн предлагает отбросить равно бессмысленные предложения «Трактата» (воспользовавшись предложениями «Трактата» как ступенями отбрасываемой после вскарабкивания наверх лестницы) (6.54). Вернемся к отношениям отображения. На уровне отображения пропозиция имеет с действительностью общую логическую форму (как аналогично структура отдельной осмысленной пропозиции отображает структуру соответствующего пропозиции положения вещей). Но логическая форма не может быть выражена (ср.: 4.12). Разберем 3.1432. Неверно: комплексный знак aRb говорит, что a находится в отношении R к b . Напротив: a находится в каком-то определенном отношении к b говорит, что aRb . Витгенштейн подразумевает: объекты a и b могут находиться в каком-то отношении (имеет место какое-то положение дел). Отношение R имен a и b отображает возможное отношение объектов a и b и поэтому может утверждать aRb (но истинностное значение утверждения не принадлежит к логическому отношению отображения). Между знаком aRb и положением вещей устанавливается логическая форма отображения. При превращении логической формы в предмет высказывания высказыванию потребуются логическая форма. Однако теперь форма отображения лишится возможности отобразить что-то потенциально существующее (положение вещей) и поэтому высказывание про логическую форму отображения превратится в бессмыслицу. Отсюда неверно, будто ком-

плексный знак aRb говорит, что a находится в отношении R к b (возможное отношение между объектами a и b заведомо отображено aRb невыразимой в языке логической формой). Форма факта репрезентируется способом структурирования объектов (способом соединения объектов). Заметим, что мы привели краткое объяснение констатации 3.1432. Противоречивое, по Присту: логическая форма не может быть предметом высказывания (согласно пониманию логической формы в «Трактате»). Но мы установили невозможность что-либо высказать про логическую форму путем высказывания (выражения нашего понимания) логической формы. Однако Витгенштейн показательно не приводит никакого объяснения.

Перед нами утверждения из констатации 4.121 (мы несколько переформулировали): «предложения не могут репрезентировать (выражать) логическую форму»; «предложение *показывает* (отражает) логическую форму действительности». По Присту, ситуация аналогична проблеме невыразимости концепции. Логическая форма не есть объект. Сказать (предсказать) что-либо можно только про какой-то объект. Следовательно... Прист выразил некоторое понимание логической формы. Автоматически получилось: логическая форма невыразима. Однако Витгенштейн ничего подобного не выражает (см. последний раздел). Для предпоследней констатации (пресловутая лестница) ситуация доходит до анекдота. Предложения «Трактата» объявляются буквально бессмысленными. Невозможно понимать нечто бессмысленное. Однако многим «Трактат» кажется понятным (см. подробнее: [6, с. 283–295]). Следовательно, пропозиции «Трактата» (пусть многие не ошибаются) не могут быть nonsense. Выхода нет. Не помогает даже различие между высказыванием и показыванием. Часто предложения «Трактата» ошибочно расцениваются как что-то показывающие (впервые предложенная Блэком старая ошибочная стратегия защиты положений «Трактата» от бессмысленности [8, р. 378]).

Перед разбором анализа «Трактата» Пристом нам необходимо подробно остановиться на чудовищном нагромождении невыразимых вещей «Трактата».

II. Множество безапелляционных утверждений «Трактата» не может быть выражено в соответствии с теорией или критериями «Трактата» и одновременно все-таки выражается в «Трактате». Из невыразимых вещей «Трактата» Яакко Хинтика, например, пере-

числяет правила логического вывода, истинность, логическую форму, тавтологичность и границы языка [12, р. 10–11]. Под невыразимое попадают без исключения логические и семантические понятия. По замечанию Грегори Ландини, все (и только) логические (и семантические) понятия должны быть представлены синтаксисом структурированных переменных в идеальном языке...» (см. подробнее: [4, с. 354–356]). В констатации 4.126 «Трактата» Витгенштейн говорит: «Выражение формального свойства – черта определенного символа». Формальные свойства и понятия (например, факт, комплекс, число, функция и другие понятия) не могут быть выражены и, следовательно, должны быть упакованы в недвусмысленный синтаксис идеальной логической нотации. Например, нет смысла говорить: «нечто есть число». Под знаком числа и так подразумевается число (ср.: 4.126). Однако «Трактат» не формулирует никакую специальную теорию невыразимого. Поэтому лучше привести полный список примеров невыразимого. Воспользуемся составленным Питером Хакером списком групп «невыразимых истин» «Трактата» [11, р. 98–100].

1. Гармония между языком, мыслью и реальностью, или предустановленная гармония между репрезентацией и репрезентируемым. Предложение и отображенное в предложении положение вещей имеют единую (логическую) форму. Благодаря форме отображения образ (пропозиция) может отображать положение вещей. Однако отобразить (не только выразить в языке) форму отображения нельзя (см. 2.171, 2.172, 4.12 и 4.121). Логическая форма отображения обеспечивает гармонию между языком и миром и не может быть выражена.

2. Семантика. Невозможно выразить значение символа. Например, невозможно утверждать тождество значений двух выражений (6.2322). Невозможно выразить смысл пропозиции. Смысл (имеющее место при истинности такой-то пропозиции положение вещей) пропозицией только показывается (4.022).

3. Логические отношения между пропозициями. Буквально невозможно сказать: «такая-то пропозиция следует из или противоречит такой-то пропозиции». Истинные предложения логики должны сводиться к тавтологиям. Тавтология показывает внутренние отношения между пропозициями (например, 6.1201).

4. Внутренние свойства и отношения. Для связанных таким-то внутренним отношением объектов немислимо (по определению

внутренних отношений) не быть связанными таким-то отношением (4.123). Наличие таких-то внутренних свойств и отношений (формальных свойств и отношений) между такими-то объектами невыразимо (4.122).

5. Разнесение объектов по типам или категориям. Например: красный – цвет. Онтологическая категория объекта задается только логической формой. Логическая форма не может быть выражена. В прозрачной логической нотации логическая форма (определяющая принадлежность объекта к такой-то онтологической категории) *отображается* переменной. Формальные или категориальные понятия (пространство, время, цвет, факт, объект, отношение, число, пропозиция, имя, функция и проч.) – имена переменных (не настоящие имена) и не могут быть выражены посредством осмысленных и правильно построенных пропозиций.

6. Границы мышления. Невозможно мыслить невысказанное. Поэтому невозможно помыслить и выразить границу между мыслимым и невысказанным (предисловие к «Трактату»).

7. Границы реальности и логическая структура мира. Реальность ограничена тотальностью объектов. Границы реальности проявляются или отображаются («makes itself manifest» во втором английском переводе) как тотальность элементарных пропозиций (5.5561). Границы мира совпадают с границами логики: границы возможных миров суть границы логической возможности. Невозможно исключить такие-то и такие-то логические возможности (ибо исключение потребовало бы выйти за границы логики) (5.61). Тавтологичность пропозиций логики показывает формальные логические свойства мира и языка (6.12).

8. Метафизические основания естественных наук. Фундаментальные принципы науки (закон причинности) – только *формы* описания. Предложение «существуют естественные законы» бессмысленно (ср.: 6.36). Описание мира через законы каузальной формы *показывает* существование естественных законов.

9. Метафизика опыта. Истина солипсизма makes itself manifest (5.62). Отрицается современная теория познания и современная «поверхностная психология» (см. подробнее: 5.541–5.5422).

10. Этика и религия как дискурс существуют только в виде возобновляющихся провальных попыток преодоления границ осмысленного языка (ограниченного пропозициями эмпирического опыта).

Перед нами пропозиции про невозможность для каких-то вещей быть выраженными. Но 6.54 объявляет пропозиции «Трактата» бессмысленными. Возникает вопрос: как из бессмысленных пропозиций можно усвоить хоть что-то про какие-то невыразимые вещи? В последние десятилетия разгорелась огромная полемика вокруг различных прочтений предпоследней констатации «Трактата». Сторонники решительного прочтения настаивают на буквальном и прямом понимании бессмысленности положений «Трактата». Например, Конант утверждает: «The silence that... the Tractatus wish to leave us with in the end is one in which nothing has been said and there is nothing to say» [9, p. 216]. Сторонники традиционного прочтения стараются удержать значимость положений «Трактата». Хакер парирует: «It seems to me to be a most curious way of reading a great book and of dismissing the philosophical insights that it contains» [11, p. 108]. Решительное прочтение было впервые предложено Корой Даймонд [10]. И пока полемика никак не движется к завершению.

III. Ситуация Фреге лишь отдаленно напоминает ситуацию «Трактата». Фреге в порядке некоторой теории различает объект и концепцию и именно благодаря проведенному и выраженному различию не может не натолкнуться на проблему невыразимости понятия концепции (и собственной же теории). Существует только два возможных решения: отказаться от теории или признать истинность противоречия на пределах выразимости (Прист вслед за признанием истинности противоречия требует признать существование выходящих за рамки языка особенностей мира). Витгенштейн безусловно предлагает отказаться от теорий (невозможность науки логики и науки философии прямо вытекает из постулированной «Трактатом» невыразимости). Витгенштейн не формулирует теорий логической формы. Такая теория неизбежно будет противоречивой (перформативно противоречивой). Поэтому Витгенштейн не предлагает объяснений (наподобие нашего объяснения констатации 3.1432 из первого раздела) и просто декларирует невыразимость логической формы. Равно каждый раз только *декларируется* невыразимость (например, невыразимость этики).

Однако будто бы ничего не мешает сказать, что Витгенштейн выразил какое-то понимание логической формы и именно на основании такого *выраженного* понимания логической формы настаива-

ет на невыразимости логической формы. Витгенштейн выразил какое-то понимание этики и именно на основании такого выраженного понимания этики настаивает на невыразимости этики. Витгенштейн выразил какое-то понимание семантики и именно на основании такого выраженного понимания семантики настаивает на невыразимости семантики. Мешает предпоследняя констатация «Трактата» 6.54: предложения «Трактата» бессмысленны (ничего не выражают). Возьмем пример: принято утверждать наличие в «Трактате» критерия осмысленности пропозиций. Пропозиция имеет смысл при отображении возможного положения вещей. Соответственно, пропозиции логики и математики объявляются лишенными смысла (sinloss). Предложения философии (и предложения философии логики) – бессмысленными. Критерий одновременно определяет границы выразимости (выражены могут быть только пропозиции естествознания). Но критерий перформативно противоречив (критерий не проходит проверку). Аналогично принцип верификации обвиняли в неверифицируемости. Именно предпоследняя констатация говорит: в «Трактате» не выражен никакой критерий осмысленности и, следовательно, выразимости или невыразимости. Положим, кто-то не распознает по предложению отображенную предложением логическую форму. Предложение можно переформулировать, или проанализировать, или просто повторить. Однако пусть кто-то никогда в осмысленных предложениях не распознает логическую форму. Ситуация окажется тождественной полному не-владению языком. Совершенно бесполезными станут любые попытки объяснить (выразить) логическую форму (ведь нет возможности говорить).

Прист усматривает пределы выразимости на пределах мысли и в пресловутой проблеме следования правилу (полагаясь почему-то на интерпретацию Крипке [3] как на адекватную). Существует множество конгруэнтных формулировок проблемы. Пусть я совершаю счет или выписываю последовательность каких-то чисел по некоторому правилу. Или пусть я употребляю какое-то слово по некоторому правилу (правило будет соответствовать значению слова) по отношению к некоторым объектам (именую словом «книга» книги). Правило всегда остается недоопределенным (ведь всегда приведено только конечное число применений правила). Так мы приходим к неопределенности значения слов. Но неопределенность значений заставляет мгновенно усомниться в значимости нашей теории отно-

сительно неопределенности значений. Выражающие теорию слова, собственно, и не способны в соответствии с теорией обладать определенным значением (см. подробнее изложение Приста: [6, с. 322–328]). Очарованный интерпретацией Крипке, Прист, по-видимому, убежден в неспособности Витгенштейна видеть тривиальные следствия. Кратко изложим позицию Витгенштейна (не Крипке) на нашем примере последовательности чисел.

Пусть выписан ряд чисел: 1 5 11 19 29. Продолжение неочевидно. Пусть формула $a_n = n^2 + n - 1$ определяет ряд. Тогда следующим элементом будет число 41: $6^2 + 6 - 1$. Но предположим, что на просьбу продолжить 1 5 11 19 29... некто пишет на шестом месте число 40. Ответом на просьбу обосновать продолжение некто выписывает формулу

$$a_n = \frac{-192n^5 + 2880n^4 - 16320n^3 + 66240,0000000281n^2 - 29568,0000000366n}{23040}$$

Согласно формуле мы получаем следующий ряд:

1 5 11 19 29 40 49 50 33 – 17

Проблема следования правилу исчерпывается утверждением про невозможность по ряду 1 5 11 19 29 однозначно определить продолжение и полностью обосновать подразумеваемое правило построения. Решающим становится неопределенность якобы необходимой интерпретации знаков (скептицизм относительно определенности значений предполагает необходимость интерпретации отношения между знаками и значением). Действительно, при выписывании ряда (всегда состоящего из конечного набора чисел) мы совершаем действие согласно некоторому образу действия. Однако любой образ действия (даже выписывание чисел наугад) можно согласовать с произвольным правилом (см. § 201 «Философских исследований» [2, с. 163]). Поэтому правило будет интерпретацией образа действия. Последовательность 1 5 11 19 29 можно привести в соответствие с правилом $a_n = n^2 + n - 1$. Однако можно и в противоречие (предполагая последовательность согласованной с иным правилом или формулой). Витгенштейн не делает из подобных рассуждений скептический вывод.

Конкретная последовательность чисел или формула построения последовательности суть различные способы записи тождественного образа действия. Даже простая формула $a_n = n^2 + n - 1$ может быть понята только как образ действия (по построению определенной последовательности). Последовательность соотносится с конкретной формулой через узнавание в последовательности и в формуле тождественного образа действия. Образ действия не нуждается во внешней интерпретации или внешнем дополнительном правиле согласования. Мы опознаем последовательность как образ действия, и мы опознаем формулу как разворачивающийся на деле в такую-то последовательность образ действия (понимание правила вне знания правильного применения правила невозможно). Аналогично примеру с тотальным нераспознаванием логической формы осмысленных предложений не обученный математике человек вне зависимости от сообщенных форм записи не сможет распознать образ действия.

Теперь рассмотрим пропозицию «образ действия не может быть выражен». Последовательность 1 5 11 19 29 – не образ действия (пусть мы легко распознаем-видим за последовательностью какой-то образ действия), и формула $a_n = \dots$ – не образ действия. Мы нечто выразили относительно нашего понимания образа действия: образ действия не может быть выражен. Но сказать «одновременно мы выразили образ действия» нельзя (никакого конкретного образа действия мы не выразили). Аналогично нужно понимать «Трактат». Нет теории логической формы для неспособных распознавать логическую форму и не владеющих языком представителей какого-нибудь воображаемого племени. К существованию логической формы принадлежит способность распознавать-видеть логическую форму в осмысленных предложениях. Теория логической формы не способна ничего сообщить про логическую форму. Способность из какого-то предположения сформулировать нечто под видом теории логической формы обрывается «Трактатом» на провал независимо от противоречивости или непротиворечивости теории. На тождественных основаниях «Трактат» обрывает собственные положения на бессмысленность. Пропозиция «образ действия не может быть выражен» не выражает невыразимого. Пропозиция «предложения не могут репрезентировать (выражать) логическую форму» равно не выражает невыразимого (и в соответствии с 6.54 не выражает ничего). Каждый раз, конечно, необходимо понимать смысл лингвисти-

ческих выражений «образ действия» или «логическая форма». Но мы ограничены только примерами образов действия (и помимо примеров никакая теория не поможет нам при разговоре с туземцами). В «Трактате» мы аналогично ограничены примерами и иллюстрациями способов редукции напрасно выражаемого (и только благодаря выражению) невыразимого к внутренним отношениям показывания. Витгенштейн демонстрирует способы построения идеальной логической нотации ради предотвращения попыток выразить невыразимое. Иначе, образ действия не может быть выражен. Однако образ действия (конкретный и равно на уровне псевдопонятия) можно показать на примере. Пусть примеры не помогают. Тогда бессмысленной (и невыразимой) будет пропозиция «образ действия не может быть выражен» (сначала собеседник из примеров должен хоть что-то понять). Или пусть представитель иных миров (язык представителя иных миров совершенно не предполагает изоморфизм мира и языка и не предполагает тождества логической формы пропозиции и факта) попробует понять пропозицию «предложения не могут репрезентировать логическую форму». Объяснения (предположим коммуникацию как-то возможной) через какую-нибудь теорию логической формы не будут способствовать пониманию. Мы можем приводить только ничего не отображающие для представителя иных миров примеры.

Положения «Трактата» призваны продемонстрировать редукцию выражений невыразимого к правильной логической нотации (в соответствии с правильным пониманием логики нашего языка). Различные выражения невыразимости не рассматриваются как истинные утверждения некоторой теории и служат в соответствии с предпоследней констатацией в качестве отбрасываемых ступеней лестницы. Схему (интерпретацию) Приста мы считаем неприменимой и нерелевантной «Трактату». Согласно 6.54, пропозиции «Трактата» бессмысленны. Например, пропозиция «предложения не могут репрезентировать логическую форму» бессмысленна. Но не вследствие перформативного противоречия какой-то выраженной теории логической формы (или выраженного критерия бессмысленности), как было бы по схеме Приста. Перформативность 6.54 может просто предполагать бесконечный регресс: пропозиция «пропозиция “предложения не могут репрезентировать логическую форму” бессмысленна» бессмысленна.

Литература

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2008.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.
3. Кринке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2010.
4. Ландини Г. Рассел / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2024.
5. Платон. Софист // Платон. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2.
6. Прист Г. За пределами мысли / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2022.
7. Фреге Г. О понятии и предмете // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сб. тр. / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова под ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 253–262.
8. Black M.A. Companion to Wittgenstein's Tractatus. Cambridge: Cambridge University Press, 1964.
9. Conant J. Kierkegaard, Wittgenstein and nonsense // Pursuits of Reason / Ed. by T. Cohen, P. Guyer, H. Putnam. Texas: Texas Tech University Press, 1993. P. 195–224.
10. Diamond C. Throwing away the Ladder: How to read the Tractatus // Diamond C. The Realistic Spirit: Wittgenstein, Philosophy, and the Mind. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991.
11. Hacker P.M.S. Was He Trying to Whistle It // Hacker P.M.S. Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 98–140.
12. Hintikka J. What does the Wittgensteinian inexpressible express // The Harvard Review of Philosophy. 2003. No. 11. P. 9–17.

References

1. Wittgenstein, L. (2008). Logiko-filosofskiy traktat [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).
2. Wittgenstein, L. (1994). Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations]. In: L. Wittgenstein. Filosofskie raboty. Ch. I [Philosophical Works. Part I]. Transl. from German by M.S. Kozlova and Yu.A. Aseev. Moscow, Gnozis Publ., 75–319. (In Russ.).
3. Kripke, S. (2010). Vitsgenshteyn o pravilakh i individualnom yazyke [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Transl. from English by V.A. Ladov and V.A. Surovtsev. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).
4. Landini, G. (2024). Russel [Russel]. Transl. from English by V.V. Tselishchev. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).
5. Plato. (1993). Sofist [Sophist]. In: Plato. Sobranie sochineniy: V 4 t. [Collected Works: In 4 vols.], Vol. 2. Moscow, Mysl Publ. (In Russ.).
6. Priest, G. (2022). Za predelami mysli [Beyond the Limits of Thought]. Transl. from English by V.V. Tselishchev. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).
7. Frege, G. (2000). O ponyatii i predmete [On Concept and Object]. In: G. Frege. Logika i logicheskaya semantika: Sb. tr. [Logic and Logical Semantics: Collection of Works]. Transl. from German by B.V. Biryukov, ed. by Z.A. Kuzicheva. Moscow, Aspekt Press Publ., 253–262. (In Russ.).

8. *Black, M.A.* (1964). *Companion to Wittgenstein's Tractatus*. Cambridge, Cambridge University Press.

9. *Conant, J.* (1993). Kierkegaard, Wittgenstein and nonsense. In: T. Cohen, P. Guyer & H. Putnam (Eds.). *Pursuits of Reason*. Texas, Texas Tech University Press, 195–224.

10. *Diamond, C.* (1991). Throwing away the Ladder: How to Read the Tractatus. In: C. Diamond. *The Realistic Spirit: Wittgenstein, Philosophy, and the Mind*. Cambridge, Mass., MIT Press.

11. *Hacker, P.M.S.* (2001). Was He Trying to Whistle It. In: P.M.S. Hacker. *Wittgenstein: Connections and Controversies*. Oxford, Clarendon Press, 98–140.

12. *Hintikka, J.* (2003). What does the Wittgensteinian inexpressible express. *The Harvard Review of Philosophy*, 11, 9–17.

Информация об авторе

Родин Кирилл Александрович. Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
rodin.kir@gmail.com

Information about the author

Rodin, Kirill Aleksandrovich. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russia).

Дата поступления 06.11.2024